

Верхом на ведре. Франц Кафка

Уголь кончился; ведро пусто, совок бесполезен; печь дышит холодом, комната промерзла насквозь, перед окном деревья окованы инеем; небо – как серебряный щит против тех, кто молит о помощи. Надо добыть угля; не замерзнуть же мне окончательно! Позади – не знающая жалости печь, впереди – такое же безжалостное небо; надо ловко прошмыгнуть между ними, чтобы просить помощи у торговца углем. Но обычные мои просьбы ему приелись; надо поубедительнее доказать ему, что в ведерке моем даже угольной пыли не осталось и, значит, он для меня все равно что солнце на небе. Мне надо явиться как нищему, который при последнем издыхании приполз умирать с голоду на барский порог, а сердобольная кухарка расщедрилась и выплеснула ему спивки кофе; пускай и торговец, злясь, но покорствуя заповеди «не убий», швырнет мне в ведерко совок угля.

Самое появление мое должно исключить отказ; поэтому я поскачу на ведре. Верхом на ведре, держась вместо узды за ушко и спотыкаясь на поворотах, я сполз с лестницы; зато внизу мое ведерко выпрямилось очень даже гордо, совсем как выпрямляется лежащий верблюд, встrepенувшись от палки погонщика. Ровной рысцой мы проезжаем промерзший переулочек; время от времени я взлетаю до второго этажа и, уж во всяком случае, не спускаюсь до входных дверей. А перед подвалом, где угольщик строчит пером у себя за конторкой, я парю особенно высоко; от жары дверь подвала отворена.

– Эй, угольщик! – застуженным голосом кричу я, и собственное дыхание окутывает меня клубами пара, – будь добр, угольщик, дай мне немного угля. Ведро у меня совсем пустое, видишь, на нем можно даже скакать верхом. Окажи такую милость, я расплачусь, как только смогу.

Торговец приставляет ладонь к уху.

– Я не ослышался? – спрашивает он через плечо у своей жены, которая сидит и вяжет рядом, на лежанке. – Я не ослышался? Как будто покупатель?

– Я не слышу ровно ничего, – отвечает жена, в такт вдохам и выдохам шевеля спицами и ощущая спиной благодатное тепло.

– Ну да, это я, ваш покупатель, – кричу я, – старинный и неизменный, только сейчас безденежный.

– Нет, жена, кто-то там есть, кто-то есть, – говорит торговец, – уж не так-то я туг на ухо. И, верно, очень старинный покупатель, прямо за живое берет.

– Да что с тобой, муженек? – спрашивает жена и на миг приостанавливается, прижав вязанье к груди. – В переулочке ни души, все наши покупатели обеспечены углем. Смело можно прикрыть торговлю на день-другой и отдохнуть.

– Как же так! Ведь я тут, верхом на ведре! – кричу я, и слезы, выжатые не горем, а морозом, застилают мне глаза. – Поглядите вверх, вы сразу меня увидите; прошу вас, дайте один совок, а дадите два – и вовсе меня осчастливите. Остальные покупатели обеспечены. Вот бы и у меня в ведерке завелся уголек!

– Сейчас выйду! – говорит торговец и, семеня короткими ножками, направляется к лестнице, но жена догоняет его и хватается за руку.

– Не смей ходить. А не послушаешься – я сама пойду вместо тебя. Ты, видно, забыл, что кашлял всю ночь напролет. Конечно, тебе только где померещится дело, ты уже забыл и жену, и детей, и собственные легкие. Нет, пойду я сама.

– Только не забудь, перечисли все сорта, какие у нас есть на складе; цены я тебе крикну вдогонку.

– Не забуду, – соглашается жена, выходит из подвала на улицу и, конечно, сразу же видит меня.

– Мое вам почтение, хозяйка! Прошу вас, совочек угля; прямо сюда, в ведерко, я сам отвезу его домой – совочек самого последнего сорта. Конечно, я заплачу сполна, только попозже, попозже.

Словечко «попозже» звучит точно благовест, гармонично вторя вечернему звону, который как раз зазвучал с соседней колокольни.

– Так чего ему нужно? – кричит снизу торговец.

– Ничего, ровно ничего, – отвечает с улицы жена. – Ничего мне не видно, ничего не слышно; слышно одно: бьет шесть часов и пора запирать лавку. Мороз лютый, завтра у нас опять будет много дела.

Ей ничего не видно и не слышно; тем не менее она развязывает фартук и замахивается им на меня. К несчастью, безуспешно. У моего ведерка есть все качества доброго скакуна, но нет ни малейшей устойчивости, уж очень оно легковесно; от взмаха фартуком у него подкашиваются ноги.

– Ах ты злюка! – кричу я на лету, меж тем как она, поворачиваясь к лавке, с презрительным злорадством машет рукой. – Да, злюка! Я просил совочек третьесортного угля, а ты мне отказала.

С этими словами я взмываю ввысь и безвозвратно теряюсь среди вечных льдов.